

ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА ОБУЧЕНІЯ ¹⁾.

II. *Охотность или благодущность обученія.*

Обученіе не должно ограничиваться лишь сообщеніемъ свѣдѣній ученикамъ и содѣйствіемъ умственному развитію ихъ. Оно должно еще воспитывать, оказывая вліяніе на ихъ сердце, душу, чтобы познанія ума укрѣплять и восполнять чувстваваніями сердца, расположеніями воли. А это требуетъ такой *сочувственной связи* между учителемъ и учениками, при которой дѣло обученія совершалось бы съ обѣихъ сторонъ *охотно, съ доброю волею*. Безъ этого между учителемъ и учениками будутъ только внѣшнія отношенія, основанныя на правахъ. «Учитель, неохотно занимающійся своимъ дѣломъ, есть жалкій рабъ обстоятельствъ; ученикъ, учащійся безъ охоты, есть мученикъ, все равно учится ли онъ изъ повиновенія родителямъ, изъ боязни наказанія, или во избѣжаніе будущей бѣдности». Справедливо, поэтому, *охотность* или *благодущность* обученія называютъ вторымъ основнымъ началомъ обученія ²⁾. Необходимыми качествами ея служатъ:

1. *Взаимная любовь между учителемъ и учениками.* Она должна замѣнять естественную любовь между родителями и дѣтьми и служить общимъ и основнымъ побужденіемъ къ

¹⁾ Отрывокъ изъ общей части «Руководства къ начальному обученію». Первый отрывокъ напечатанъ въ августовской книжкѣ «Трудовъ к. д. академіи» за настоящій годъ.

²⁾ Прѣзняя учебная практика хотѣла повидимому уловить это начало въ понятіи *прилежанія*; но это понятіе—одностороннее; прилежаніе есть лишь одно изъ проявленій охотности или благодущности обученія.

охотности обученія. Любовь родителей ранѣе и сильнѣе любви къ нимъ дѣтей. Такою должна бы быть и любовь учителя къ ученикамъ. При такой любви, «занятія его съ ними подходятъ не только подъ идею долга, но и подъ идею благожеланія и благодаренія». Если дѣло обученія представляется учителю лишь въ видѣ простой необходимости, потому что оно наложено на него волею другихъ, нуждою, обстоятельствами; то его учительство будетъ механическимъ отбываніемъ службы или повинности, чуждымъ участію души, сердца, и тягостнымъ для него, какъ тягостенъ всякій трудъ не по сердцу и противъ воли. Итакъ—а) если вы принимаете или несете учебный трудъ по необходимости, то постарайтесь изъ необходимости сдѣлать добродѣтель; возвысьте свой трудъ сознаниемъ долга, какой вмѣстѣ съ нимъ принимаете предъ Богомъ, людьми, совѣстію. Сильное чувство долга удваиваетъ силы къ выполнению его, облегчаетъ трудъ, награждаетъ радостію всякій успѣхъ въ трудѣ. Но б) въ такомъ трудѣ, какъ обученіе, недостаточно одного чувства долга, которое, при всей живости своей, можетъ если не ослабѣвать отъ трудностей, искушеній, то удовлетворяться внѣшнею исправностію дѣла, или же одностороннимъ выполненіемъ его, когда учитель обращаетъ вниманіе болѣе на себя, чѣмъ на учениковъ, болѣе на то, что онъ дѣлаетъ, чѣмъ на то, что дѣлаютъ, какъ учатся ученики. Чувство долга въ учителѣ должно быть еще оживлено и восполнено искреннимъ и безкорыстнымъ желаніемъ добра ученикамъ, готовностію на жертвы для нихъ. *«Мы изъ усердія къ вамъ, говорилъ одинъ великій учитель своимъ ученикамъ, восхотѣли предать вамъ не только благовѣстіе Божіе, но и души свои, потому что вы стали любезны намъ. Вотъ голосъ, вотъ идеаль любящаго учителя! Любящій учитель влагаетъ, такъ сказать, всю свою душу въ свои занятія съ учениками. Онъ трудится для нихъ, проникнутый сердечнымъ участіемъ*

къ ихъ повѣдѣнію, безпомощности, съ другой стороны—къ ихъ невинности, довѣрчивости, предающей ихъ, такъ сказать, въ волю учителя. Онъ не считается съ ними въ своемъ дѣлѣ, не успокоивается на видимой, формальной исправности своей предъ ними, а хочетъ сдѣлать и дѣлаетъ для нихъ добра столько, сколько можетъ, чувствуя, что не ученики для него, а онъ для учениковъ, что, какъ высшій надъ ними, онъ, по евангелію, призванъ служить всѣмъ имъ. Чѣмъ дороже и любезнѣе ему собственныя знанія, тѣмъ независимѣе и охотнѣе дѣлится онъ этимъ сокровищемъ съ учениками. Съ другой стороны, не о томъ заботится онъ, чтобы лишь выказать предъ ними богатство своихъ знаній, свою ученость, искусство, а о томъ, чтобы преподаваемое имъ было совершеннѣе усвоено учениками и послужило имъ на добро. Въ успѣхахъ учениковъ онъ полагаетъ свою радость и славу. в) Такая благожелательность учителя будетъ замѣчена и понята учениками и вызоветъ у нихъ любовь и преданность ему. А это облегчитъ учителю дѣло обученія. Ученіе будетъ пріятно ученикамъ, какъ занятіе съ любимымъ учителемъ, которому они охотно вѣрятся, хотятъ быть послушными, признательными. Учитель и ученикъ становятся друзьями, друзьями сердечными, сколько то возможно по различію ихъ лѣтъ и степени образованія. Всякое возмущеніе такого дружескаго расположенія непріятно для обѣихъ сторонъ, и его всячески избѣгаютъ и какъ можно скорѣе прекращаютъ. Ученику не захочется оскорблять учителя невниманіемъ, небрежностію, своеволіемъ: подражать учителю, угождать ему своими успѣхами, видѣть одобреніе со стороны его будетъ для ученика внутреннею потребностію, радостію души. Такимъ образомъ любящему учителю будетъ принадлежать то неограниченное вліяніе, какое блаж. Августинъ приписываетъ любви въ болѣе обширномъ смыслѣ: «люби, и—дѣлай что хочешь!» г) Любовь учи-

теля не должна быть впрочемъ пристрастіемъ къ однимъ, съ ущербомъ ея для другихъ, а простирается на всѣхъ. Преступны тѣ родители, которые однихъ дѣтей любятъ болѣе другихъ: большею частію тутъ не любовь, а самолюбіе. Естественнo учителю болѣе любить учениковъ способныхъ, прилежныхъ, благонравныхъ: но если любовь его ограничивается ими, то въ ней замѣшано самолюбіе. *Если любящихъ васъ любите, какая награда вамъ?* Высшее торжество любви учителя будетъ въ томъ, когда и самые худшіе, жалкіе дѣти сдѣлаются, при его усердіи, заботливости, добрыми и успѣвающими.

2) При взаимной любви между учителемъ и учениками, дѣло обученія будетъ, какъ и должно, сопровождаться *свѣтлымъ настроеніемъ духа*, которое выражаетъ именно, что это общее дѣло равно пріятно, желанно, по душѣ для обѣихъ сторонъ. Такое счастливое настроеніе не вырабатывается искусственно, а образуется само собою; слѣдуетъ однако устранить, по возможности, все, что способно возмутить его. Понятно, что съ такимъ свѣтлымъ настроеніемъ несовмѣстны въ учителѣ: а) вспыльчивость, капризность, бранчивость. Какая разница во впечатлѣніи на учениковъ, начинаетъ ли учитель преподаваніе съ ласкою или съ крикомъ и бранью! Въ первомъ случаѣ ученикъ слушаетъ учителя смѣло, свободно, съ полною воспріимчивостію своихъ способностей; во второмъ—подавленный страхомъ духъ его, такъ сказать, тупѣетъ, слабѣетъ, какъ бы теряется въ безпокойствѣ, замѣшательствѣ, къ которому вспыльчивость и раздражительность могутъ привести и самого учителя. Долгъ учителя—не поддаваться имъ, какіе бы ни были поводы къ тому. Когда онъ переступилъ порогъ училища, то пусть забудетъ всѣ стороннія непріятности, домашнія досады, чтобы не срывать своего раздосадованнаго сердца на невинныхъ ученикахъ, которые не должны

также терпѣть ни за проступки одного товарища своего, имѣвшаго несчастіе разсердить учителя, ни за неудовольствія учителя съ ихъ родителями, если они, къ несчастію, случаются. б) Столько же неумѣстна въ учителѣ охота насмѣхаться надъ учениками, давать имъ прозвища и под. Колкая насмѣшка еще оскорбительнѣе грубой брани. Хуже всего, если такими насмѣшками учитель любитъ забавлять себя и учениковъ. «Если ученики находятъ въ нихъ вкусъ, значитъ, природа ихъ уже искажена; а учитель, который навязывается къ нимъ съ такими раздражающими средствами, нарушаетъ миръ дѣтской души, перестаетъ быть кроткимъ воздѣлывателемъ нѣжныхъ душъ, и уподобляется недальновидному садовнику, который выставляетъ свои насажденія на яркое солнце и рѣзкій вѣтеръ». в) Въмѣсто брани и насмѣшекъ, любящій учитель будетъ оказывать постоянную ласку ученикамъ: одно строгое слово изъ устъ учителя, *постоянно ласковаго*, дѣйствуетъ мгновенно и надолго, а грубое и колкое слово учителя раздражительнаго и угрюмаго только оскорбляетъ и отталкиваетъ,—отталкиваетъ отъ него, а затѣмъ и его ученика. Ласковый учитель оказываетъ пособіе ученику словомъ и дѣломъ, одобряетъ его успѣхи, какъ бы они ни были незначительны, снисходитъ къ его слабостямъ, хотя и не потакаетъ имъ, не отталкиваетъ отъ себя хотя и неловкихъ изъясненій его привязанности, лишь бы они были искренни и не притворны, ибо притворство, лицемеріе—самая дурная черта въ дѣтяхъ, которымъ свойственна откровенность, простодушіе. г) Понятно наконецъ, что съ указаннымъ свѣтлымъ настроеніемъ при обученіи несовмѣстны въ учителѣ унылость, мрачность, соединяющіяся обыкновенно съ охотою и привычкою выставлять на видъ темную сторону вещей. Она способна лишь тяготить и томить учениковъ, ибо веселость есть стихія юности, и ему свойственны не болѣзненные разочарованія, а свѣтлыя

чаянія, вѣра болѣе въ добро, чѣмъ въ неправду и зло. Учитель съ мрачнымъ взглядомъ на вещи, склонный отыскивать во всемъ болѣе ложь, неправду, болѣе темное и худое, чѣмъ доброе и свѣтлое, такой учитель ясно обнаруживаетъ въ себѣ недостатокъ любви: ибо *любовь, по выраженію слова Божія, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ, все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ.*

3. При свѣтломъ настроеніи въ дѣлѣ обученія естественно ожидать *живости* его, которая, будучи внутреннимъ качествомъ души, выражается и вовнѣ—въ лицѣ, голосѣ, глазахъ, движеніяхъ, вообще пріемахъ обученія. Важность этого качества понятна сама собою. Дѣти и молодые люди уже по самой природѣ своей отличаются живостію, и имѣть съ ними дѣло для человѣка вялаго и скучнаго есть истинное мученіе, да и для учениковъ въ урокахъ такого учителя рѣшительно нѣтъ ничего привлекательнаго, хотя бы впрочемъ онъ былъ предобрый человѣкъ. Конечно, живость есть часто даръ природы; но и недостатокъ ея можетъ быть отчасти восполненъ усердіемъ и искусствомъ. Важна здѣсь прежде всего: а) живость внутреннихъ убѣжденій, мыслей, воспитанная въ себѣ учителемъ. Если сообщаемыя имъ свѣдѣнія не суть для него что либо постороннее, случайное, малозначущее, а именно живыя и дорогія движенія души, всецѣло проникающія ее; то онъ передастъ ихъ съ одушевленіемъ, которое выразится въ лицѣ, глазахъ, голосѣ. Слово одушевленное, живое дойдетъ не до слуха только, но и къ сердцу слушателя. Чего даже не услышитъ слушатель, о томъ самъ догадается, когда говорящій говоритъ *отъ всей души*. б) Съ внѣшней стороны, живости обученія вредятъ неряшливость, опущенность учителя, нерасторопность и мѣшкотность движеній, однозвучность, медлительность, запинчивость рѣчи, неподвижность всего положенія, когда напр. учитель любитъ всегда свѣдѣть,

на своей кафедрѣ, а ученика держать прикованнымъ къ скамьѣ: особенно, если много учениковъ, то ему лучше прохаживаться по классной комнатѣ, чѣмъ сидѣть на одномъ мѣстѣ; нѣтъ даже необходимости спираться въ душевную комнатѣ, когда можно чему либо научить подъ открытымъ небомъ. в) Требованіямъ живости противно и то, когда учитель слишкомъ занятъ своими записками или поглощенъ какимъ-либо своимъ учебнымъ дѣйствіемъ, теряя изъ виду учениковъ, когда онъ слишкомъ занятъ однимъ ученикомъ, заставляя скучать прочихъ, когда, любя говорить самъ, не оживляетъ вниманія ихъ вопросами, или хоть взглядами. г) Когда онъ замѣтитъ, что лица у учениковъ равнодушны и сонны; то, значить, дѣло неладно. Онъ долженъ заглянуть въ себя—не скучно ли, вяло, утомительно его преподаваніе—и стараться поправить его. Онъ долженъ видѣть, что ученики слушаютъ его, слѣдятъ за нимъ съ живымъ участіемъ, такъ что и послѣ урока у нихъ оказывается охота поговорить о немъ. Вообще требованія живости могутъ быть выражены положеніемъ: *ученіе должно идти живо и дружно съ обѣихъ сторонъ и быть не постороннимъ, но жизненнымъ дѣломъ для учителя и учениковъ.*

4) Живость обученія не исключаетъ степенности, составляющей напротивъ необходимое качество охотности его. Въ учителѣ она выражается а) *чувствомъ своего достоинства* на занимаемомъ имъ постѣ. Случается, что наставники образованные, добросовѣстные, трудолюбивые не достигаютъ въ своихъ училищахъ такого успѣха, какого они въ правѣ ожидать. Это странное явленіе объясняется проще всего тѣмъ, что въ преподаваніи ихъ ученикамъ не чувствуются достоинство и твердость, приличныя ихъ положенію. И на людей взрослыхъ, а тѣмъ болѣе на дѣтей, достоинство, твердость, рѣшительность характера дѣйствуютъ съ неотразимою силою.

Учителя съ такимъ характеромъ слушаютъ съ большимъ вниманіемъ, уваженіемъ, довѣріемъ: слова его вѣски и впечатлительны и крѣпче ложатся на мысль, на душу дѣтей-учениковъ. Напротивъ, слабость, неувѣренность, робость, нерѣшительность не способны внушить уваженія и вниманія. Бываютъ учителя, которые недостаткомъ достоинства и твердости надѣются замѣнить особенною снисходительностію къ ученикамъ, любезностію, даже заискиваніемъ у нихъ. Напрасно! Этимъ они могутъ пріобрѣсть мимолетную популярность, но не уваженіе къ себѣ, не вліяніе на учениковъ. Замѣчено даже, что серьезныхъ и строгихъ учителей ученики любятъ больше, чѣмъ тѣхъ, которые отличаются *однимъ добросердіемъ*, потому что такое добросердіе часто сопровождается слабостію и непослѣдовательностію, а нерѣдко подъ нимъ укрывается недостатокъ умственного превосходства надъ учениками. Чувство своего достоинства въ учителяхъ есть, конечно, черта природнаго характера: но онъ долженъ и развивать его въ себѣ, не ронять его. Родители учениковъ и другіе особы, имѣющіе вліяніе на школу, также должны остерегаться, чтобъ не уронить понапрасну учителя въ школѣ: унижить учителя въ глазахъ учениковъ, — значитъ почти тоже, что лишить ихъ учителя. б) Степенность обученія требуетъ строгой добросовѣстности въ самыхъ занятіяхъ учителя съ учениками. Къ своимъ занятіямъ съ учениками учитель долженъ относиться серьезно и добросовѣстно, помня, что они не забава, не праздное препровожденіе времени, а работа, трудъ. Не случайными настроеніями, не своимъ произволомъ онъ долженъ опредѣлять занятія съ ними, а сознанными требованіями, не терпящими ни послабленій, ни упущеній; долженъ дѣлать съ учениками то и такъ, что и какъ требуется, а не что и какъ лишь захочется ему дѣлать въ данную пору. Въ свое время онъ долженъ начинать и оканчивать уроки, и главное — не от-

бывают ихъ какъ нибудь. «Лучше давать немного уроковъ, да съ должнымъ усердіемъ, чѣмъ много, да кое-какъ. Часто лучше даже вовсе пропустить урокъ, чѣмъ давать его безъ усердія. Пришелъ на урокъ, такъ не жалѣй ужъ ни себя, ни учениковъ. Передъ тѣмъ разсчитай свои силы и силы дѣтей, а начался урокъ, такъ нѣтъ мѣста ни мѣшканью, ни извиненіямъ. Работать, такъ работать! Ни остановокъ, ни отступленій, ни пустыхъ разглагольствій: прямо къ дѣлу! Отъ этого и въ ученикахъ внимательность явится сама собою. Обыкновенно, если ученики разсѣянны и безпокойны, то это вина учителя, не теперешняя, такъ прежняя».

5) Но трудясь самъ усердно и добросовѣстно, учитель долженъ и въ ученикахъ развивать и укрѣплять *наклонность къ учебному труду или прилежанію*. У дѣтей на первыхъ порахъ всегда довольно усердія, прилежанія: но долго понуждать себя къ умственному труду дитя не можетъ, и скоро начинаетъ скучать, уставать. «Это отъ того, что умственный трудъ, какъ и всякій другой, направляясь на достиженіе отдаленной цѣли, требуетъ борьбы съ настоящимъ потокомъ ощущеній: вольная игра чувствъ должна быть задержана, или ограничена, или направлена на путь не привычный; потребность мускульныхъ ощущеній и движеній должна быть на время подавлена. Но какъ дитя пріучается переносить тепло и холодъ, такъ и умственный трудъ обращается для него мало по малу въ привычку, отъ которой отстать не легко. Для этого необходимо: а) въ раннемъ дѣтствѣ сообщать ему *свидѣнія въ связи съ играми и развлечениями*; а затѣмъ, пріучая исподоволь *отдѣлять игру отъ дѣйствительнаго занятія*, предоставлять дитяти *заниматься дѣломъ столько, сколько оно хочетъ*. Но такой періодъ не можетъ быть долгимъ. Съ установившимся различіемъ игры отъ занятія б) дитя понуждается наконецъ заниматься не столько, сколько

*

бы ему хотѣлось, а сколько *слѣдуетъ*, или сколько должно *заниматься*. Безъ этой мѣры, безъ этого *дога*, которому покоряется воля воспитанника и для исполненія котораго требуются *усиліе и напряженіе*, школьная жизнь предрасполагала бы только къ лѣни и изнѣженности. Организацией школы устанавливается твердый, обязательный и для воли учителя порядокъ и смѣна занятій отдыхами и развлеченіями. Разъ навсегда занятія и развлеченія собраны, такъ сказать, въ отдѣльныя части времени; возвращеніе къ умственнымъ занятіямъ въ опредѣленное время, усилія, которыя должно дѣлать при изученіи въ этотъ часъ одного предмета, въ слѣдующій часъ другого, всѣ обязанности заучивать, списывать, повторять, приниматься за предметъ другой, третій и т. д., дѣлаются для ученика чѣмъ-то столько же естественнымъ и само собою понятнымъ, какъ перемѣна дня и ночи, бодрствованія и сна. в) Нѣтъ сомнѣнія, что приученіе учениковъ къ такому порядку и исправности въ занятіяхъ, вообще приученіе ихъ къ учебному труду достанется не легко. Тутъ трудно будетъ обойтись и *безъ внѣшнихъ побудительныхъ средствъ*, особенно по отношенію къ дѣтямъ запущеннымъ или избалованнымъ въ семьѣ. Но з) мѣры эти въ хорошей школѣ должны имѣть самый *ограниченный кругъ примѣненія*; потому, если случаются въ школѣ ученики слишкомъ избалованные, надъ которыми понапрасну испытываются (послѣ другихъ мѣръ) эти внѣшнія мѣры; то едвали не лучше удалить такихъ изъ школы, чѣмъ ради ихъ усиливать и расширять употребленіе этихъ мѣръ въ школѣ. б) Вообще мѣры эти *не должны быть грубы и жестоки*, какими бывали въ старыхъ школахъ, гдѣ поэтому ученіе казалось нерѣдко мученіемъ для учениковъ: должно помнить, что къ мѣрамъ грубымъ и жестокимъ также привыкаютъ ученики, какъ и къ болѣе мягкимъ и легкимъ. 7) Лучшимъ изъ внѣшнихъ побужденій къ учебному труду

должно признать возбужденіе въ ученикѣ *чувства чести и соперничества съ товарищами*, только бы учитель умѣлъ пользоваться этими пружинами, не развивая въ воспитанниках эгоизма, зависти ¹⁾. Но д) еще важнѣе здѣсь, какъ и вездѣ, непосредственное вліяніе личнаго характера и примѣра учителя. Не допуская никакихъ послабленій въ заведенномъ порядкѣ ученія, онъ долженъ дать понять ученикамъ, что этотъ порядокъ ученія не есть дѣло его личнаго произвола или каприза, а выраженіе высшей воли, которая и для него обязательна, также, какъ и для нихъ; что, строго требуя отъ нихъ труда, онъ самъ еще прежде и болѣе трудится для нихъ; что онъ готовъ для нихъ на жертвы, а наказывать ихъ ему непріятно, больно. При такихъ-то условіяхъ учебный трудъ, сначала казавшійся ученикамъ неспособнымъ, тяжелымъ, сдѣлается мало-помалу сноснымъ, а потомъ и привычнымъ. Имъ будетъ скрѣпляться нравственный союзъ школы—союзъ учителя съ учениками и учениковъ съ товарищами, сотрудниками: ибо общая работа сближаетъ сердца тѣснѣе, чѣмъ общія игры, равно какъ отъ претерпѣваемыхъ бѣдствій возникаетъ часто любовь болѣе крѣпкая, чѣмъ отъ совокупнаго наслажденія счастьемъ. Трудъ хотя бы и не легкій, но общій и усердный будетъ и трудомъ веселымъ. г) Но чтобы наживаемая въ школѣ привычка къ умственному труду развивалась во *внутреннюю рѣшимость* къ такому труду, требуется еще слѣдующее существенное условіе: это *успѣшность* труда, поражающая *удовольствіе отъ труда*. Поэтому а) слѣдуетъ предлагать ученику такіа занятія и задачи, которыя онъ *могъ бы одолѣть при надлежащихъ усиліяхъ*: постоянная безуспѣшность, постоянная неудача отнимаетъ энергію и у самаго

¹⁾ Старинная педагогія не всегда умѣла уберечься отъ этихъ крѣпостей: известны такъ называемые старину *вызовы*: de loco, de pane, de calcis, de plagis.

хорошаго ученика, и обратно—успѣхъ удвоаетъ энергію чело-
вѣка и дѣлаетъ его мужественнѣе и предприимчивѣе. β) Успѣшность труда должна обнаруживаться *пріятнымъ ощуще-
ніемъ плодовъ отъ труда*. Училищный труженникъ долженъ
испытывать не только то, что «безъ труда нѣтъ плода», но и
то, что «хотя корень ученія и бываетъ горекъ, но плоды
его сладки». Эти плоды ученія могутъ выражаться и въ бли-
жайшемъ примѣненіи пріобрѣтенныхъ имъ знаній къ жизни,
къ дѣлу: напр. выучившись читать и писать, ученикъ пишетъ
письмо къ родителямъ, получаетъ отвѣтъ, цѣнить грамоту,
какъ искусство очень полезное, доволенъ своею грамотно-
стію, какъ плодомъ ученія. Съ извѣстными знаніями соединены
виды на лучшее положеніе въ жизни, слѣдовательно, успѣвая
въ этихъ знаніяхъ, ученикъ предвкушаетъ плоды его въ чае-
момъ благополучіи. Но подобною пригодностію знаній не
должно ограничиваться ощущеніе плодовъ знанія, слѣд. труда
для знанія. Мальчикъ или юноша, который съ старче-
скимъ благоразуміемъ измѣряетъ свои свѣдѣнія *только* ихъ
очевидною полезностію, покончилъ съ своимъ *человѣческимъ*
образованіемъ. Не далеко пойдетъ въ наукѣ тотъ, кому она
надобна лишь для узкихъ житейскихъ разчетовъ. Если онъ
не станетъ тяготиться ею въ школѣ, то навѣрное отвернется
отъ нея по выходѣ изъ школы, достигнувъ того, чего
искалъ черезъ школу и ея экзамены. Итакъ γ) *высшимъ, благо-
роднѣйшимъ побужденіемъ къ знанію и труду для знанія*
должна быть въ ученикѣ безкорыстная любовь къ знанію,
соединяющаяся съ высшимъ, чистымъ наслажденіемъ отъ зна-
нія. Не думайте, что дитяти не доступны эта любовь и это
наслажденіе. Оно напротивъ, болѣе многихъ взрослыхъ, лю-
битъ отдаваться безкорыстному созерцанію вещей и мечтамъ
объ нихъ, составляющимъ родню всякаго сильнаго мышленія
и пониманія. Сердцу дѣтей доступны радости знанія въ

такихъ размѣрахъ, въ какихъ онѣ совершенно незнакомы огромному большинству ихъ родителей. Радости знанія еще опутительнѣе, когда онѣ слѣдуютъ за трудомъ для знанія. Когда съ помощью добросовѣстнаго труда ученику удастся разрѣшить трудныя задачи, то при этомъ онѣ испытываетъ такое же удовольствіе, какъ при выходѣ изъ темнаго мѣста на свѣтлое. Когда, съ помощью добросовѣстнаго труда, онѣ увеличиваетъ свои свѣдѣнія, онѣ испытываетъ удовольствіе, сходное съ тѣмъ, которое мы чувствуемъ, когда нашъ кругозоръ сразу расширяется предъ нами. Добытое трудомъ утоленіе духовной жажды знанія сладостнѣе утоленія жажды тѣлесной и успокоенія отъ тяжкаго, но успѣшнаго, труда физическаго. На душѣ труженика—легко, свѣтло, просторно. При такихъ-то плодахъ и наслажденіяхъ знанія, испытываемыхъ ученикомъ, его склонность къ учебному или умственному труду изъ наживаемой въ школѣ привычки перейдетъ во внутреннюю, цѣлостную рѣшимость, которая будетъ сохраняться и развиваться и по выходѣ его изъ школы и станетъ для него могучею силою въ подвигѣ самообразованія. Само собою понятно, что дать ученику испытать такіе плоды и наслажденія знанія, развить въ немъ эту внутреннюю рѣшимость къ умственному труду—можетъ только тотъ учитель, который самъ имѣетъ то и другое, какъ уже сказали мы, говоря о самообразованіи учителя.

6) Любознательность, какъ высшее побужденіе къ ученію, сама собою предполагаетъ, что ученикъ путемъ ученія достигаетъ все новыхъ и новыхъ знаній, ему дотолѣ чуждыхъ. Отсюда *новость въ опытѣ обученія*, какъ естественное качество охотности обученія. «Умъ человѣческій, по природѣ, требуетъ разнообразнаго возбужденія; всякое однообразіе утомляетъ его; особенно должно это сказать о дѣтяхъ, которыхъ всѣ дѣйствія разсчитаны на короткую длительность». Новость

въ дѣлѣ обученія состоитъ однако не въ безпорядочной смѣнѣ впечатлѣній и предметовъ обученія, а именно—*«въ постоянномъ уснѣваніи»*. То, что существенно ново, даетъ новую работу уму, приносить или общаетъ новый успѣхъ,—то достаточно занимаетъ ученика и возбуждаетъ къ умственной работѣ. Съ требованіями новости въ дѣлѣ обученія несовмѣстны:

а) *излишняя остановочность*. Учитель долженъ останавливаться на одномъ и томъ же предметѣ не болѣе того, сколько нужно для прочнаго усвоенія его учениками. Поэтому и на первыхъ началахъ въ обученія, какъ бы образовательны они ни были, должно останавливаться отнюдь не долѣе того, сколько нужно для того, чтобы основать на нихъ высшія упражненія. Можно убить въ ученикахъ всю охоту къ ученію, если будешь мучить ихъ однимъ и тѣмъ же до тѣхъ поръ, пока доведешь до безукоризненно совершеннаго знанія. Всего опаснѣе это въ многочисленныхъ классахъ, гдѣ даровитые ученики должны дожидаться отставшихъ. Нужно поэтому, чтобы классы въ начальныхъ школахъ были не многочисленны, чтобы имѣлось для нихъ достаточное число учителей, а въ крайности, независимо отъ собственнаго усердія, учитель долженъ прибѣгнуть къ пособничеству даровитыхъ учениковъ для ускоренія успѣховъ прочихъ,—пособничеству, которое вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ новымъ дѣломъ, новымъ упражненіемъ и для первыхъ и составить *новое приобритеніе* для нихъ въ будущемъ.

б) Противоположна излишней остановочности, но не менѣе противна требованіямъ новости въ дѣлѣ обученія—*преждевременность* его, когда т. е. не ожидая, пока придетъ свое время для всякаго успѣха, преждевременно сообщаютъ дѣтямъ отрывочныя и несвязныя свѣдѣнія изъ тѣхъ частей науки, которыя имъ не должны быть открываемы по естественному ходу развитія. Побужденіемъ къ тому служитъ часто нетерпѣливость родителей, желающихъ поскорѣе любоваться многознаніемъ и

кажущимися успѣхами дѣтей, а также—увлеченіе учителей, желающихъ съ-разу высказать предъ учениками блескъ и широту своего знанія и тѣмъ сильнѣе подѣйствовать на нихъ, увлечь ихъ. Для учениковъ эта преждевременность вредна въ двоякомъ отношеніи. То, что уже прежде хотя и крайне поверхностно, смутно, узвано, слышано, *терлетъ прелесть новизны* на будущее время. Съ другой стороны это мнимое знаніе можетъ показаться ученикамъ дѣйствительнымъ. «Когда въ послѣдствіи такіе недоучки поступаютъ къ дѣльнымъ учителямъ, то они не имѣютъ охоты къ основательному ученію. Педагогически необходимо возвратиться къ мнимо извѣстнымъ предметамъ, и слѣд. принуждать къ тому ученика, отъ чего ученіе посылѣсть обѣимъ сторонамъ. Какъ воспитатель обязанъ оберегать для своихъ питомцевъ новыя ощущенія и наслажденія на будущее время, къ порѣ ихъ большей зрѣлости, и не срыпать для нихъ, вмѣсто будущаго плода, одиѣ почки, такъ долженъ поступать и учитель при обученіи. Дѣтямъ все еще ново; имъ не нужно сильныхъ приманокъ, какъ взрослымъ: какъ правится имъ какая нибудь бездѣлка и какъ легко сдѣлать занимательнымъ для нихъ какой угодно предметъ!» Итакъ *при начальномъ обученіи должно ограничиваться не многими предметами*. Не новое для взрослыхъ еще ново для дѣтей. Сверхъ того, это благопріятствуетъ не только смиренію ученика, видящаго предъ собою еще долгій путь науки, но и охотѣ къ ученію, которое представляется ему чѣмъ-то великимъ и важнымъ. в) Но этотъ долгій путь, этотъ великій трудъ ученія не долженъ казаться *необозримымъ, безпредѣльнымъ*, что могло бы утомлять ученика, подавлять ощущеніе успѣха. На этомъ пути должны быть видны такъ сказать ближайшія разстоянія или цѣли, обѣщающія постепенныя, слѣдовательно постоянно новыя успѣхи. Такимъ образомъ *яснымъ распределеніемъ предметовъ поддерживается пологость ихъ*

изученія. Это имѣетъ силу и относительно оглавленія учебниковъ. Если оно составлено такъ, что легко можетъ быть обозрѣваемо, и ученикъ видитъ, что ему учить на каждый день, недѣлю и мѣсяцъ, то для него обозначены уже разстановки, въ награду каждаго усилія, предвидится нѣчто новое. г) Требования новости въ дѣлѣ обученія *не исключаютъ повтореній одного и того же*. Учитель и ученикъ не должны скучать повтореніями, которыя, упрочивая успѣхъ въ одномъ, тѣмъ самымъ обезпечиваютъ успѣхъ въ другомъ, новомъ. Да и нечего бояться учителю повтореній съ дѣтьми: посмотрите только на игры малыхъ дѣтей; какъ часто они возвращаются къ одному и тому же предмету, и это ихъ ничуть не утомляетъ. Однако, чтобы согласить требованія новости съ требованіемъ повтореній, учитель долженъ, *при повтореніи, разнообразить форму изложенія*, сколько то допускаютъ свойства изучаемаго предмета. При такомъ разнообразіи формы изложенія, ученику, по гибкости его ума, можетъ понравиться то, что само по себѣ ему опостылѣло бы. Старая пѣсня поется пріятнѣе на другой, новый напѣвъ. Новыя формы, новыя пріемы изложенія при повтореніи даютъ также поводъ къ многостороннему разсмотрѣнію. «При повтореніи учитель заставитъ и ученика передавать старое въ новыхъ формахъ, обозрѣвать то, что пройдено, съ новыхъ точекъ зрѣнія и высказывать заученное въ новомъ порядкѣ, то съ середины къ началу, то съ середины къ концу, дѣлать новыя примѣненія, приводить новыя примѣры на правила и под. Мы приготавливаемъ учениковъ къ практической жизни и должны заботиться о томъ, чтобы, говоря о предметѣ, они не держались рабски выраженій учебника и нѣкоторыхъ школьныхъ замашекъ. Тогда только можно утверждать, что извѣстное знаніе, мысль сдѣлалась собственностью ученика, когда онъ въ состояніи располагать ими во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ». Только въ

такихъ мысляхъ и знаніяхъ почувствуется для него дѣйстви-
тельный успѣхъ обученія.

7) Если ученіе должно быть, какъ сказано, *постоян-
нымъ успиваніемъ*, и каждый *новый трудъ* долженъ приносить
новый успѣхъ, то отсюда возникаетъ еще слѣдующее требо-
ваніе: сберегать силы и время ученическаго труженика такъ,
чтобы каждая, такъ сказать, затрата ихъ на учебный трудъ
приносила не только дѣйствительный, но и возможно большій
успѣхъ. Въ этомъ именно состоитъ *легкость обученія*. Итакъ
она: а) не исключаетъ *труда* или *напряженія силъ*, а выра-
жаетъ *изощренную мѣру* его. Требуемый трудъ не долженъ
превышать силъ ученика, иначе онъ потратится понапрасну;
не долженъ надрывать, истощать ихъ, иначе онъ отобьетъ
охоту къ ученью. Если успѣхи, обуславливаемые посильностію
труда, разовьютъ въ ученикѣ общую довѣренность къ своимъ
силамъ; то отдѣльныя трудности его не испугаютъ, времен-
ная неудача не приведетъ въ уныніе. б) Легкость обученія
должна сопровождаться не *уменьшеніемъ*, а *увеличеніемъ успѣ-
ховъ* его. Если теперь, съ помощію облегченныхъ способовъ
обученія, многое проходятъ гораздо скорѣе и успѣшнее, чѣмъ
это дѣлалось прежде, за то теперь и жизнь предъявляетъ
гораздо болѣе требованій, потому и число учебныхъ предме-
товъ увеличилось. Если не изыскивать кратчайшихъ и удоб-
нѣйшихъ путей въ обученіи, то, при постоянно увеличиваю-
щемся числѣ наукъ, нельзя исправиться. в) Обязанность изы-
скивать такіе пути имѣетъ *особенное значеніе въ начальныхъ
народныхъ школахъ*, куда поступаютъ дѣти почти безъ всякой
подготовки къ ученію и съ небольшимъ досугомъ для ученія,
потому что они должны еще помогать родителямъ въ рабо-
тахъ, присмотрѣ за младшими братьями, сестрами и проч.;
да и вообще досугъ отъ умственного труда нуженъ имъ для
укрѣпленія силъ физическихъ съ помощію отдыховъ, игръ и проч.

Условіями легкости обученія служатъ: а) *простота* учебныхъ предметовъ. Дѣтей кормятъ молокомъ, а не пищею взрослыхъ. Чѣмъ менѣе подготовлено дитя, тѣмъ проще должны быть первые учебные опыты его. Сложное, отвлеченное труднѣе для дѣтскаго пониманія того, что просто и наглядно. Если сложное неизбежно, то его должно разлагать, чтобы дитя усвоивало его по частямъ, подобно тому, какъ мать раздробляетъ пищу дитяти, приспособительно къ его физической примчивости. Простота называется доступностію, когда дѣтямъ сообщается то, что *близко* и представляется прямо, съ перваго взгляда, безъ посредствующихъ представленій. Эта близость обуславливается особенно *родствомъ* сообщаемого дитяти новаго представленія съ прежними, ему извѣстными. Эти послѣднія служатъ основаніемъ, и чѣмъ оно будетъ обширнѣе, тѣмъ легче воздвигать на немъ дѣльше ряды новыхъ представленій. Вообще простота обученія требуетъ, чтобы учитель въ преподаваніи умѣлъ отрѣшиться отъ привычныхъ ему, какъ человѣку взрослому и развитому, образовъ мышленія и выраженія и приспособляться къ образу мышленія и выраженія своихъ юныхъ питомцевъ. Стараніемъ и долгою практикою онъ можетъ и достигъ этого.

б) *Краткость* составляетъ другое условіе легкости обученія. Она не терпитъ отступленій, околесинъ, излишнихъ подробностей, научныхъ тонкостей, могущихъ утомлять вниманіе, истощать терпѣніе юнаго слушателя; она требуетъ строгой экономіи рѣчи, съ устраненіемъ всякаго многословія, лишняго краснорѣчія. Растянутое изложеніе производитъ то, что слушающій забываетъ, гдѣ кончается одна мысль и начинается другая. Краткость изложенія—одно изъ лучшихъ достоинствъ учебниковъ, если только она совмѣщается съ ясностію и основательностію. Краткость обученія требуетъ, чтобы для одной и той же поры не назначались равно трудные и длинные уроки

и работы: труда потратится много, но успѣхъ—сомнителенъ. Кончая одну работу, ученикъ долженъ чувствовать, что у него еще есть силы, время, охота приняться за другую.

в) Для облегченія своимъ питомцамъ учебнаго труда, благодушный учитель будетъ *самъ пособлять имъ въ занятіяхъ, особенно на первыхъ порахъ*. Дитя учится ходить сперва съ помощію няньки. И учителю нечего дожидаться, пока окажется на дѣлѣ несостоятельность силъ дитяти; онъ долженъ, не допуская его до этого, оказать ему пособіе, чтобы *первымъ успѣхомъ зародить въ немъ довѣріе къ своимъ силамъ*. Этого пособія онъ не прекращаетъ и потомъ, стараясь уравнивать дорогу ученику, чтобы онъ шелъ себѣ прямо, не спотыкаясь, развѣ только изрѣдка, а падалъ еще рѣже. *Преодолывать ближайшія, внѣшнія трудности предмета есть всегда дѣло не ученика, а учителя*. Въ старину держались, да и теперь еще нерѣдко держатся жалкаго обычая взыаливать наибольшія трудности на ученика, учитель же устраивалъ положеніе какъ можно покойнѣе для себя. Онъ задавалъ только, да спрашивалъ, все прочее предоставлялось дѣлать ученику. Но въ такомъ приказываніи—разсказать, описать, нарисовать нѣтъ никакого преподавательнаго искусства; самому учителю примѣромъ своимъ надобно научить учениковъ всему этому. Назначая ученику упражненія, учитель долженъ не тѣмъ лишь довольствоваться, чтобы съ-разу поправлять ошибки его по окончаніи работы, а долженъ помогать ученику *понежному* во время самой работы, не лишая однако самодѣтельности ученика, такъ чтобы и работа спорнѣе шла въ его рукахъ, и ему чувствовалась доля своего успѣха въ ней.

Наконецъ, важныя условія легкости обученія заключаются въ *естественности* его, составляющей впрочемъ одно изъ общихъ требованій благодушности или охотности обученія.

8) *Естественность* обученія состоитъ въ *сближеніи* педагогической дѣятельности съ *естественнымъ развитіемъ дитяти*. Такое обученіе подходитъ къ *ненамѣренному* и требуетъ, чтобы учитель въ развитіи ума дитяти, *безъ особенныхъ причинъ, не уклонялся отъ того пути, по которому бы оно совершалось само собою*. Въ частности, при обученіи должно соображаться: а) съ *проявленіями естественнаго развитія дѣтей вообще*. На этомъ именно основаніи первыя учебныя занятія дѣтей соединяютъ съ играми, которыя сами по себѣ занимаютъ дѣтей, приобѣгаютъ въ обученіи ихъ къ наглядности, по преобладанію въ ихъ возрастѣ дѣятельности чувствъ. Здѣсь же имѣетъ свое основаніе и *своевременность* обученія, требующая—не спѣшить и не опаздывать съ началомъ школьнаго ученія, не навязывать малолѣтнимъ предметовъ отвлеченныхъ, свѣдѣній и вещей, еще далекихъ для нихъ, чтобы изъ нихъ не вышли скороспѣлые умники, но также—не обременять и взрослыхъ, практически развитыхъ, учениковъ первоначальнымъ обученіемъ, къ оскорбленію самолюбія ихъ, хотя бы свѣдѣнія ихъ въ первыхъ началахъ и были дѣйствительно слабы. Здѣсь имѣетъ основаніе и *естественная послѣдовательность* въ ходѣ обученія, не терпящая крутыхъ переходовъ отъ стараго къ новому и требующая подготовки ко всякимъ новымъ предметамъ и дѣйствіямъ въ учебной практикѣ.

б) Ради естественности обученія должно *принимать въ соображеніе и личность каждаго питомца*. Ребенка слабого, боязливаго слѣдуетъ обучать иначе, нежели здороваго, бойкаго и смѣлаго. Имѣя дѣло съ питомцемъ кроткимъ, надобно дѣйствовать на его чувство, а пылкаго сдерживать достаточною работою. Отъ ребенка менѣе подготовленнаго или даровитаго нельзя помогаться того же, чего можно требовать отъ болѣе подготовленнаго и даровитаго. Нужно имѣть

вниманіе и къ будущему призванію ученика, соображая, что ему наиболѣе понадобится, и не жертвовать его счастіемъ его образованію, навязывая ему съ педагогическою неумолимостію то, къ чему дитя питаетъ рѣшительное отвращеніе, обнаруживая явную неспособность, физическую (напр. къ пѣнію) или умственную, или что убиваетъ его дѣтскія радости. Однако подобное приспособленіе къ личнымъ свойствамъ дитяти должно *имѣть свои границы*. Такъ напр. учитель не обязанъ полагать упрямству дитяти, какъ личному свойству его характера, принимать во уваженіе его избалованность, или потакать его причудливымъ особенностямъ. Это все болѣзненные нарывы, которые надобно искоренять рукою, правда, осторожною, но и смѣлою. Дитя должно *навыкать преодолевать свою природу*, и непремѣнно навывкнетъ, если родители, по своей слабости, не отнимутъ у него силъ къ тому. Черезчуръ нѣжные родители требуютъ отъ учителей такого вниманія къ личнымъ особенностямъ ихъ дѣтей, что въ многочисленномъ училищѣ нѣтъ возможности исполнѣ удовлетворить имъ, иначе пришлось бы подчинить ученіе случайнымъ вліяніямъ въ ущербъ справедливости, а равно и общительности. Гораздо естественное, чтобы дитя подчинилось общему порядку, нежели чтобы всѣ его товарищи и самъ учитель примѣнялись къ нему. Вообще для естественности обученія нужно подражать семейнымъ *отношеніямъ*. Для этого учитель постарается *сблизиться* съ своими учениками вообще и, по возможности, съ каждымъ изъ нихъ въ частности. Въ его обращеніи съ дѣтьми не должно быть рассчитанной холодности, важничанья, чиновности и под.; напротивъ—отеческая искренность, прямота. Онъ не тяготится бесѣдовать съ дѣтьми, позволяетъ имъ спрашивать его, повѣрять ему свои недоразумѣнія, желанія и, если это дѣлается въ пору и безъ злаго умысла, удовлетворяетъ ихъ съ терпѣніемъ отца или друга.

Самая рѣчь учителя должна быть не только чужда всякой затѣйливости, вычурности, но и приближаться на *первыхъ порахъ* къ домашнему говору дѣтей, который съ теченіемъ времени будетъ самъ собою облагораживаться въ школѣ подъ вліяніемъ бесѣды учителя. Пусть вообще дѣтя считаетъ учителя однимъ изъ своихъ, но самымъ умнѣйшимъ изъ нихъ. Вмеѣстѣ съ тѣмъ учитель благопріятствуетъ *дѣтской простотѣ* учениковъ, крѣпко исправляя ихъ проступки, если они происходятъ отъ простодушія, неопытности, извиняя ребяческую неловкость, неотесанность, но твердо противодействуя проявленіямъ педанства, ханжества, лицемерія, страсти къ отличію, хвастовста, пошлости, нерѣдко прикрываемой обманчивымъ лоскомъ, и всячески поощряя въ дѣтяхъ чувства скромности, приличія, добраго товарищества или братства.

9) Естественность обученія, требующая сближенія его съ естественнымъ развитіемъ дѣтяти, сама собою предполагаетъ *постепенность*, какъ существенную принадлежность ея. Слѣдуетъ однако раздѣльнѣе обозначить требованія этой послѣдней. Общее требованіе ея состоитъ въ томъ, чтобы *трудность обученія соразмѣрялась съ постепеннымъ возрастаніемъ силъ въ ученикахъ*. Въ частности постепенность обученія должна быть наблюдаема относительно:

а) *количества занятій*. Естественнo назначать сперва меньше занятій, меньшіе уроки, потомъ большіе, напр. заучивать сперва по пять словъ, потомъ по семь, десять, писать сперва по нѣсколько строкъ, потомъ по страницѣ и болѣе. Упражненіе надъ малымъ укрѣпляетъ силы и охоту для большаго;

б) *трудности задачъ*. Трудность ихъ должна измѣряться не столько объемомъ или количественнымъ содержаніемъ задачъ, сколько *качествомъ* ея. Общее правило дидактики: *для малыхъ дѣтей—не больше, какъ по одной трудности за-разъ*.

Усложненіе трудностей должно возрастать послѣдовательно, при чемъ съ каждою новою трудностію должны соединяться лишь такія, въ преодоленіи которыхъ уже испыталъ себя ученикъ. На этомъ основаніи слѣдуетъ напр. начинать обученіе съ грамоты русской, а не славянской, въ которой сокращенія или титла, непонятность нѣкоторыхъ словъ и выраженій удвояютъ трудность изученія. Такимъ же образомъ собраненные способы письменнаго счисленія, весьма удобные для взрослыхъ, затруднили бы для дитяти первые шаги въ счисленіи. Такимъ же образомъ для письменныхъ задачъ слѣдуетъ назначать сперва близкое подражаніе, потомъ—вольное, потомъ собственное сочиненіе, или же сперва описанія, потомъ разсужденія и под. Вообще переходъ отъ легчайшаго къ труднѣйшему, простаго къ сложному, близкаго къ далекому составляетъ главное условіе постепенности обученія.

в) *Строгости методовъ.* Въ развитіи ихъ учитель въ низшихъ училищахъ долженъ заботиться о *большей принаровкѣ* къ ученикамъ, чѣмъ въ высшихъ, гдѣ учитель можетъ съ большею свободою слѣдовать требованіямъ собственной логической или научной системы. За то чѣмъ старше и развитѣе ученики, тѣмъ строже можно требовать отъ нихъ выдержки и самообладанія въ направленіи и порядкѣ своихъ занятій научныхъ. Въ частности методы начального обученія будутъ указаны ниже.

г) *Различныхъ побужденій къ занятію.* Занимательность работы, соединенной съ игрою, должна постепенно восполняться сознаніемъ плодотворности и необходимости ея; сознаніе ближайшихъ цѣлей, плодовъ умственнаго труда—восполняться разумѣніемъ цѣлей высшихъ и далекихъ; простое любопытство должно постепенно возвышаться до любознательности научной. Если оказываются неизбѣжными внѣшнія побужденія, то они должны начинаться съ самыхъ легкихъ мѣръ, которыя лишь постепенно должны становиться настойчивѣе и усиленнѣе, и

затѣмъ, по мѣрѣ дѣйствія ихъ, по мѣрѣ умственныхъ и нравственныхъ успѣховъ ученика постенно устраняться, чтобы наконецъ они сдѣлались не нужными.

д) *Возрастовъ*. Здѣсь слѣдуетъ лишь строго примѣнять уже указанное правило естественной своевременности обученія, чтобы избѣжать скороспѣлости и запоздалости въ обученіи, недозрѣлости и перезрѣлости въ приспособленіи возрастовъ къ предметамъ обученія, не обучать малыхъ, какъ взрослыхъ, и взрослыхъ, какъ малыхъ. Въ дѣлѣ приспособленія предметовъ обученія къ возрастамъ учитель будетъ руководиться особенно наблюденіемъ за степенью *участія* учениковъ къ предмету и *пониманія* его ими: напр. когда ученикъ самъ своими вопросами уходитъ въ область новой науки, то, значитъ, онъ созрѣлъ для нея, если только въ вопросахъ его видится не простое любопытство, а дѣйствительная любознательность. Здравая педагогія совѣтуетъ, впрочемъ, остерегаться *болѣе скороспѣлости, чѣмъ запоздалости* обученія. Въ послѣднемъ случаѣ выигрываютъ, по крайней мѣрѣ, здоровье и характеръ дитяти. Съ другой стороны, учитель не долженъ забывать, что изъ дѣтей выходятъ люди. Если бы даже, по недостаточности во взросломъ ученикѣ положительныхъ знаній, оказалось нужнымъ повторить науку съ первыхъ основаній, въ такомъ случаѣ нужны иной способъ и другія формы преподаванія, чѣмъ тѣ, какія употребляются при обученіи малыхъ дѣтей. При болѣе или менѣе успѣшномъ обученіи, оно должно постепенно возвышаться, съ возвышеніемъ духовнаго уровня учениковъ, чтобы къ концу учебнаго курса поставить ихъ въ возможность—*продолжать самимъ свое образованіе и примѣнять свои знанія*.

10) Ко всѣмъ изъясненнымъ качествамъ благодушиности обученія должно присоединить еще одно, которымъ, такъ сказать, вѣнчается она и въ которомъ всего выразительнѣе можетъ сказаться отечески—дружеская любовь учителя къ учени-

камъ, служащая основнымъ качествомъ благодушиности обученія. Это—*терпѣніе* при обученіи. Оно выражается а) *въ снисхожденіи* учителя вообще къ несовершенствамъ дитяти, какъ существа еще незрѣлаго, слабосильнаго. Учитель долженъ снизойти съ высоты своего образованія, поддержать быстроту своихъ силъ, и мѣрять успѣхи дѣтей мѣрою взятою съ нихъ же самихъ, а не съ взрослыхъ людей. Онъ долженъ заранѣе примириться съ мыслию, что ученики будутъ часто не довольно понятливы, внимательны, что съ ними часто пужно повторять одно и тоже, подолгу выжидать успѣха, что вообще они будутъ успѣвать медленнѣе, нежели какъ онъ могъ бы ожидать по воспоминаніямъ своей давней и призабытой юности. Поэтому-то терпѣливый учитель и б) *не обижается*, если умствепные и нравственныя успѣхи учениковъ далеко не оправдываютъ его успѣховъ. Вѣдь ученикъ не можетъ и не думаетъ его тѣмъ оскорбить; ~~на~~ происходить это отъ слабосильности или невѣдѣнія, а можетъ быть и ождація его были слишкомъ высоки. Кромѣ того, нужно принимать во вниманіе и постороннія причины: недостатокъ домашней воспитательной помощи, соблазны отъ дурныхъ знакомствъ, а наконецъ—и болѣе всего—*собственныя упущенія*. γ) Терпѣніе учителя должно быть *выдержано до послѣдней возможности*. Если послѣ начавшагося исправленія ученикъ снова впадаетъ въ тѣ же проступки, то учитель терпѣливый не только долженъ твердо помнить заповѣдь—*прощать семдесятъ разъ семеричею*, но и не терять совсѣмъ надежды на окончательную удачу. Онъ такъ же не имѣетъ права совсѣмъ отказаться отъ ученика, какъ врачъ отъ больнаго. Въ этомъ отношеніи особенно назидателенъ примѣръ учителей для глухонѣмыхъ: чего они достигаютъ съ своими учениками окольнымъ путемъ, того навѣрное настойчивостію можно достигнуть съ людьми, имѣющими всѣ пять чувствъ. δ) Терпѣніе при обученіи, конечно, не

вдругъ дастся учителю. Только долговременнымъ обращеніемъ съ дѣтьми можетъ онъ навѣкнуть спокойно смотрѣть на недостатки дѣтей, какъ на явленія естественныя и свойственныя степенямъ ихъ развитія. Такое самоопредѣленіе вовсе не такъ трудно, какъ кажется со стороны. Въ обращеніи съ дѣтьми такъ много радостнаго и вознаграждительнаго, что человѣкъ съ неиспорченною душою скоро примиряется съ его особенностями. Нужна при этомъ рѣшимость и увѣренность, что у дѣтей есть охота къ добру, хотя, повидимому, ея и нѣтъ: остальное сдѣлаетъ привычка. Нужно чувствомъ долга и любви къ дѣлу преодолѣть первыя припадки досады и скуки, и въ послѣдствіи будутъ открываться все новыя пріятности въ занятіяхъ обученіемъ. Учитель укрѣпляетъ еще свое терпѣніе размышленіемъ о воспитаніи, собираніемъ собственныхъ педагогическихъ наблюденій: кто умѣетъ открывать всегда новыя, духовныя стороны въ своемъ занятіи, тотъ всегда будетъ находить въ немъ и удовлетвореніе ¹⁾.

---

¹⁾ Этотъ параграфъ—простое сокращеніе изъ Куртиана. Въ другихъ параграфахъ также есть заимствованія наиболѣе изъ этого автора, рекомендованнаго и въ программѣ педагогич. издан. для семинарій.